

УДК 130.2:316.346.36

DOI: 10.35853/vestnik.gu.2022.2(37).12

Поколение Z: типические черты и ценностные ориентации

Елена Владимировна Шлегель

АНО ВО «Гуманитарный университет», Екатеринбург, Россия
shleg-elena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5667-0009>

Аннотация. Предмет исследования в данной статье – типические черты и ценностные ориентации Поколения Z, новые риски и возможности, которые появляются у представителей «цифровых аборигенов». Цель исследования – понять предпосылки ценностных трансформаций, выявить особую специфику поколения не только с точки зрения принципиально новых условий бытования «зетов» в информационном обществе, но и в контексте целого ряда социокультурных и политических событий начала XXI века, которые сформировали новые риски и новые возможности для представителей этой генерации.

Ключевые слова: поколение Z, ценностные ориентации, цифровое общество, типические черты, передача опыта

Generation Z: Typical Traits and Value Orientations

Elena V. Shlegel

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia
shleg-elena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5667-0009>

Abstract: The subject of the research in this article is typical features and value orientations of Generation Z, new risks and opportunities, which appear in representatives of “digital natives”. The study aims to understand the prerequisites of value transformations, identifying the specifics of the generation not only in terms of fundamentally new conditions of “Zets” existence in the information society, but also in the context of several socio-cultural and political events of the early XXI century, which have formed new risks and new opportunities for the representatives of this generation.

Keywords: Generation Z, value systems, digital society, typical features, transfer of experience

В актуальных социально-гуманитарных исследованиях можно найти множество попыток проанализировать факторы становления нового поколения (здесь и далее, согласно теории поколений У. Штрауса и Н. Хоува, – Поколения Z) [25], выделить их типические черты и ценностные ориентации.

Большинство теоретических работ написано с употреблением осторожных, корректных формулировок с общим посылом «это лишь предположение». Этот посыл весьма разумен, так как анализ событий, которые повлияли на становление нового поколения, весьма затруднен вследствие того, что это становление до сих пор продолжается и нет возможности взглянуть на ситуацию с комфортной временной дистанции. Однако первые представители цифрового поколения уже перешагнули отметку 20 лет, активная фаза их личностного становления подходит к концу, и, несомненно, определенные выводы можно делать уже с большой долей вероятности.

Как минимум, вполне правомерно говорить об особой специфике Поколения Z, отличающей это поколение от всех предыдущих не только в контексте того, что становление этого поколения происходило в принципиально новых условиях информационного общества, но и в контексте целого ряда социокультурных и политических событий начала XXI века, которые сформировали новые риски и новые возможности для представителей этой генерации.

В данной работе поколение рассматривается прежде всего как социальный тип, т. е. «определенное число людей, находящихся в сходном социальном положении, обладающих близкими социальными и ценностными установками (т. е. некоторым ментальным родством) и примерными социальными возможностями, реализующих единую модель образа жизни» [21]. Типизация – это не абстрактное обобщение. Она прагматически ориентирована и состоит в том, чтобы выявить текущее, действительное положение дел, принимая во внимание множество факторов. В нашем случае это выдвигание сущностных черт и характерных признаков многих индивидов, которые определяют специфику поколения. Процесс типизации весьма объемно представлен в трудах Альфреда Шюца и его последователей [20]; типизация как методологический инструмент социального познания восходит к концепции «идеальных типов» Макса Вебера [3]; сменяемость основных социальных типов человека XX века можно проследить в работах Л. А. Мясниковой [12]. Главное преимущество анализа поколения как социального типа – его высокая объяснительная ценность. Конечно, конкретный представитель поколения может не совпадать в точности с элементами социального типа поколения, однако у нас сложится общая картина, которая, кроме всего прочего, показывает уникальность вариаций конкретного индивида.

Разговор о специфике поколения невозможен без обращения к ценностным ориентациям – важному компоненту мировоззрения личности или групповой идеологии, выражающему предпочтения и стремления личности или группы в отношении тех или иных обобщенных человеческих ценностей (благополучие, здоровье, комфорт, познание, гражданские свободы, творчество, труд) [2, с. 539]. С точки зрения автора, ценности выступают как фактор, играющий главенствующую роль в регуляции взаимодействий внутри общества, как основополагающий элемент культуры. Именно ценности формируют идеалы и ориентируют человека в окружающем мире, определяют те или иные его действия. Формируются ценностные ориентации преимущественно в детском и подростковом возрасте. Поэтому при анализе уникальных поколенческих характеристик важно рассмотреть именно этот период.

Представители нового поколения провели свое детство и юность в очень сложной социокультурной обстановке: неожиданно периодически возникающие экономические кризисы, политическая поляризация мира и угроза террористических атак, одновременные процессы глобализации и глокализации, экологические катастрофы, мировая пандемия COVID-19. Анализ влияния всего вышеизложенного на формирование представителей молодого поколения позволяет спрогнозировать новые риски для российских «зетов».

Экономический кризис, разразившийся в начале 2000-х гг. как на Западе, так и в России, несомненно, оказал большое влияние на становление поколения. Родители российских «зетов», переживая постоянно сменяющиеся друг друга периоды экономического подъема и экономического спада, ощущая непредсказуемость и нестабильность своего финансового положения, стали примером бережливости и экономности в расходах. Высок был и уровень социальной поляризации: так называемый «средний класс» истончался, увеличивалось общее число «очень богатых» (олигархи) и бедных. И эта ситуация, в том числе, задавала некоторые ценностные ориентиры, связанные с благополучием. Краткосрочный успех и быстрый зарабо-

ток для «зетов» становятся более желанными и приоритетными, чем постепенное выстраивание карьеры и планомерный рост благосостояния.

Высокий уровень безработицы и небольшие зарплаты при постоянно растущих ценах в худшие периоды оказывают негативное психологическое воздействие на старшую часть многочисленного поколения «зетов», выпускников вузов и ссузов, у которых на этот период (2019–2022 гг.) приходится поиск их первой работы. Работая «зеты» сталкиваются с финансовыми трудностями именно в тот момент, когда начинают самостоятельную жизнь. Рост молодежной безработицы, удорожание аренды жилья, увеличение расходов на проживание – в совокупности это способствует тому, что всё больше молодых людей предпочитают оставаться под опекой родителей как можно дольше. Это вынужденный выбор в условиях нестабильности. Ипотека им также не по плечу: за последние 5 лет доля молодежи в структуре выдачи ипотеки упала на 9,7 % [9]. Поэтому вся статистика фиксирует, что всё больше представителей цифрового поколения остаются надолго в родительском доме, формируется феномен «отложенного отделения от родителей». Альтернативой становится коливинг (от англ. *common living*), аренда одного жилья с друзьями или партнерами. Кроме экономического аспекта влияния мирового кризиса на «зетов», есть еще один нюанс. Родители «зетов», поколение 80-х и 90-х, рожали не больше одного-двух детей из-за ограниченных финансовых возможностей. Активно развивался детоцентризм – в одного ребенка и вкладываются больше, и отпускать его от себя не спешат. Следовательно, происходят не только демографические и социальные перемены, происходит и ценностный сдвиг. Ребенок ориентирован на то, чтобы жить с родителями достаточно долго. Соответственно, **увеличивается период взросления** (в 2020 году Госдума РФ повысила планку возраста молодежи с 30 до 35 лет [16]), и происходит **определенная инфантилизация первой половины жизни «зетов»**. Джим М. Твенге обосновывает прямую связь между «медленным взрослением» и культурным сдвигом в сторону индивидуализма [27], который мы можем фиксировать и у российских представителей рассматриваемого поколения. Инфантилизации способствует и распространенная практика постоянной «финансовой поддержки» от родителей даже после окончания обучения и выхода на работу: неумение справляться с распределением бюджета и тратить больше, чем зарабатываешь, приводит к «закредитованности» при любой, даже достаточно высокой величине дохода. Как доказательство – финансовые аналитики в феврале 2022 года определили две основные тенденции на российском рынке МФО, одна из которых – омоложение базы заемщиков (речь о гражданах в возрасте до 30 лет) [7].

Из вышенаписанного вытекают определенные риски – это **риски депопуляции**. У представителей «зетов» уже зафиксировано иное отношение к семье и к детям, чем у поколений X и Y. Цифровые аборигены не только реже вступают в брак, по сравнению со старшими поколениями, но и делают это позже, и при этом – реже его сохраняют. Традиционная форма семьи, конечно, окончательно в прошлое не уходит, но зачастую подменяется сожителем, «семьей выходного дня» и другими суррогатными формами брака. По данным ВЦИОМ, каждый десятый житель нашей страны предпочитает гражданский брак, причем большинство из них находится в возрасте до 34 лет [4]. Небезосновательно мы можем уже сейчас говорить о грядущей тенденции кардинальной трансформации этого института. Официальный брак и традиционная семья больше не являются одной из приоритетных ценностей молодых людей. На первый план всё чаще выходят материальное благополучие, профессиональное развитие и личные достижения. **Семейно-родственные отношения подменяются социальными**, в частности карьерой, самореализацией, свободной коммуникацией, финансовым благополучием и т. д. Возрастной профиль браков в России меняется, появляется четко обозначенный тренд на «взросление

супружества». Количество брачных союзов, заключаемых в возрасте с 18 до 24 лет, с 2011 года сократилось в два раза. Даже если не брать в расчет «пандемийные годы», когда с браками и разводами была особая ситуация, статистика 2018 года указывает на сокращение числа браков в стране на 21 % по сравнению с показателями 2013 года [14]. Отметим, что создание семьи и регистрация официальных отношений остается важной составляющей жизненных стратегий, но не является для молодежи единственной социальной нормой: можно констатировать доминирование в общественном сознании нормативного отношения к вопросам незарегистрированных взаимоотношений.

При этом вместе с тенденцией «отложенного супружества» возникает и тенденция либо «отсроченного деторождения», либо же вообще отказа от такового (движение «чайлдфри» объединяет всё больше людей). Это обусловлено не только ценностными сдвигами у представителей молодого поколения (современная молодежь ориентирована на выстраивание индивидуальных демографических траекторий – сначала самореализация, потом – дети), но и сложной ситуацией в стране. Сказывается, в том числе, и описанная Конрадом Лоренцом «тепловая смерть чувств» (в другом переводе – «оскудение чувств»), которая особенно сильно угрожает «радостям и страданиям, неизбежно возникающим из наших социальных отношений, из наших связей с супругами и детьми, с родителями, родственниками и друзьями» [11]. Кроме того, с 2020-го по 2022 г. страна находится в условиях пандемии, когда заводить детей некоторым кажется верхом неблагоразумия (высок риск заболеть, усложнено получение медицинской помощи и т. д.), а с начала 2022 года россияне находятся в ситуации стресса из-за резкого осложнения геополитической ситуации в связи с военной операцией на Украине, что привело, опять же, к дефициту некоторых медикаментов, к обострению личной финансовой ситуации, к увеличению депрессивных состояний и тревоги за собственное будущее. В такой ситуации планирование беременности вновь откладывается. И, исходя из всего вышперечисленного, а также принимая во внимание низкую рождаемость и у предыдущего поколения, отказ от рождения детей грозит, по прогнозам демографов, **демографическим рекордом убыли населения**. По данным Росстата, в целом убыль населения России фиксируется четвертый год подряд [6]. Последствия подобного демографического кризиса могут быть весьма кардинальными: изменение национального состава страны, как следствие – утрата национальных традиций и идентичности, нехватка трудовых ресурсов и усиление потока мигрантов, ухудшение качества социализации и т. д. [10].

В число самых вероятных рисков и типических черт для Поколения Z входит и **подверженность депрессии**. По данным Всемирной организации здравоохранения, депрессия сегодня является четвертой по частоте причиной нетрудоспособности населения планеты [5]. Но особенно подвержены ей представители молодого поколения. Исследование международной команды ученых (70 исследователей из 8 стран) показало, что в 2020 году на 100 тысяч человек в возрасте от 20 до 24 лет приходилось 1 118 случаев большого депрессивного расстройства и 1 331 избыточный случай тревожных расстройств [24]. Причин такой тенденции можно назвать несколько:

1. Общая сложная геополитическая и экономическая ситуация в стране и мире. «Зеты», родившиеся в начале 2000-х, живут в условиях внезапно возникающих экономических кризисов, политической поляризации мира, нестабильного рынка, а последние три года – мировой пандемии. Это является причиной ощущения «незащищенности» и нестабильности у подростков и молодежи. И эта степень неопределенности очень высока: «текущая современность» в двадцать первом веке «выливается» в очень тревожные симптомы. Фиксируется снижение возможности

индивида контролировать собственную судьбу, влиять на нее. Условия жизни человека всё чаще определяют глобальные силы и течения. Над человеком в обществе нависают три больших «Не»: неуверенность, неопределенность, небезопасность. З. Бауман говорит о том, что современное общество разительно отличается от всех предыдущих форм человеческого существования: общество не может найти гармоничный баланс между общественным и частным, диалог между этими двумя формами практически прекратился [1]. Начинать свой взрослый жизненный путь в подобных условиях крайне тяжело.

2. Потеря ценности отношений и дефицит близости. Превалирующая онлайн-коммуникация создает иллюзию близких дружеских отношений, но не заменяет их, провоцируя ощущение одиночества.

3. Влияние непрерывного информационного потока на общий уровень тревоги. Представители «зетов» постоянно включены в информационную повестку дня, их медиапотребление «заточено» на постоянный прием информации. «Выпасть» из него иногда равноценно изоляции от сверстников. Грамотно фильтровать поступающие потоки и дистанцироваться от огромного объема тревожной и негативной информации подросткам еще не по силам. Естественно, что в таких условиях общий уровень тревоги повышается и постоянно держится на опасно высоком уровне.

4. Социальные сети как фактор социальной тревоги. Согласно исследованию американских ученых, молодые люди, интенсивно использующие платформы социальных сетей, испытывают социальную тревогу [26]. Представители молодого поколения, которые чаще всего находятся в Сети (определяемые как 50 или более посещений в неделю), имеют в три раза больше шансов оказаться в социальной изоляции, чем те, кто выходил в Сеть менее девяти раз в неделю. Стоит упомянуть и о «культе успеха» в социальных сетях: отмечая успешную «глянцевую» жизнь других, человек может сильнее ощущать кажущуюся «серость» своей. Есть еще целый ряд последствий, вытекающих из постоянной жизни «онлайн». Например, четко фиксируемая медиками депривация сна, вызванная избытком экранного времени, усугубляет состояние тревожности.

Ну и, конечно, характеризуя Поколение Z, нельзя не сказать о том, что формирование этой генерации идет в эпоху цифровой реальности, которая имеет совершенно особый онтологический статус. И речь идет не только о гибридации онлайн- и офлайн-среды. Речь идет, в том числе, и о нового рода взаимосвязи человека с этим уникальным единым пространством. Когда мы говорим про цифровую реальность и цифровое общество, важно осознавать, что это не только следствие появления новых технологий, но и результат меняющегося опыта человечества. Произошло формирование нового уникального пространства, которое стало новым местом бытования всех людей, но особенно – молодых поколений. Все важнейшие процессы Поколения Z (обучение, коммуникация, взросление, познание себя) происходят посредством общения с гаджетом, который стал «продолжением руки». Виртуализация, информатизация, гаджетизация – всё это становится ценностными ориентирами, без которых картина мира просто немыслима. Цифровая среда характеризуется многогранностью связей и неоднозначностью отношений: с одной стороны, цифровая среда дает практически неограниченные возможности, о которых всего 30 лет назад и мечтать было сложно; с другой стороны, она несет очень серьезные риски и угрозы [13].

Рисуя портрет поколения сквозь призму преодоления тяжелого «багажа», доставшегося в наследство от предыдущих поколений, кажется, что в этой иллюстрации превалируют весьма мрачные тона. Однако представители «зетов» имеют и целый ряд отличительных, присущих им в большей степени, чем их предшественникам, положительных сторон. Новые риски порождают и новые возможности.

Постоянная включенность в различные информационные поля делает молодых людей искренне **озабоченными не только насущными бытовыми проблемами, но и мировыми, решать которые предстоит именно им.** И прежде всего речь идет о мировых экологических проблемах. Согласно опросу, проведенному организацией Amnesty International¹, 41 % молодых людей считают изменение климата главной проблемой современности. Компания опросила более 10 000 человек в возрасте до 25 лет в 22 странах в рамках исследования «Будущее человечества» [23]. Поколение Z острее переживает экологические проблемы и готово поддерживать более радикальные меры для предотвращения бедствий в будущем. Немалую роль в этом сыграла упомянутая в самом начале работы глобализация: мировые климатические забастовки среди школьников и студентов 2019 года стали возможны во многом благодаря формированию сообщества единомышленников из разных точек мира в социальных сетях. Нависшие экологические проблемы мирового масштаба напрямую угрожают будущему молодого поколения, и «зеты» это прекрасно понимают. Активное таяние ледников, выбросы парникового и углекислого газа в атмосферу, загрязнение воды и воздуха, ужасающие пожары в Сибири, Канаде и Австралии, грозящие уничтожить лесные массивы, общее истощение природных ресурсов – острота этих проблем достигла критического уровня и стала основанием формирования у представителей цифрового поколения подлинного экологического сознания. Именно молодые активнее всего ратуют за ужесточение экологического законодательства и жесткий контроль над всеми выбросами на планете. Предприниматели в возрасте до 30 лет внедряют в свои стартапы технологии малоотходных и безотходных производств. Тренд на экологическую осознанность стали поддерживать как популярные блогеры-инфлюэнсеры, так и крупные бренды. В молодежный сленг входит термин «sustainability» – организация системы (неважно, какой именно – маленького ресторана или большого производства), которая причиняет минимальный ущерб окружающей среде и учитывает долговременные перспективы ее развития.

«Включенность» зетов в общественные проблемы также выражается и в **активной добровольческой и волонтерской деятельности.** По оценкам Росстата, в 2020 году в стране насчитывалось около 2,7 миллиона официально зарегистрированных волонтеров [19]. За последние семь лет число участников благотворительных программ выросло в пять раз, большая часть из новичков – молодежь в возрасте до 24 лет. Для них это способ проявить себя, заявить о своей жизненной позиции, найти единомышленников.

Далее, отличительной чертой «зетов» можно назвать **стремление к предпринимательству, к созданию именно своего дела, к стартапам, к участию в проектной деятельности.** Молодежное предпринимательство становится прогрессивной составляющей российского малого и среднего бизнеса. В последнее время, в том числе и в России, все отчетливее стала проявляться тенденция резкого увеличения количества стартапов среди молодежи. Сказывается и стремление к финансовому благополучию, и вера в свои силы. Кроме того, на развитие этой тенденции влияет наличие важных «узлов сети» – стартап-сообществ в вузах (плюс возможность кооперации между стартап-фирмами и учебными заведениями), онлайн-сообществ. В последние 10 лет множатся правительственные и общественные программы по поддержке стартапов («Агентство стратегических инициатив», Фонд «Сколково», «Фонд развития интернет-инициатив», «Фонд поддержки инноваций» и т. д.). При этом важно, что молодые предприниматели зачастую создают уникальные продукты – «42 % стартаперов в России считают свой продукт инновационным и уникаль-

¹ Включена в реестр организаций-иноагентов.

ным, причем 19 % полагают, что аналогов не существует не только на отечественном, но и на международном рынке» [15].

Еще одной характерной чертой поколения, сулящей новые возможности в будущем, является их **«инклюзивность»**, выраженная в принятии практически любой инаковости, сексуальной и расовой терпимости, учете интересов всех членов социума, стремлении сформировать общество равных возможностей для всех. Наряду с экологическим сознанием, именно у «зетов» начинает формироваться новая социальная ценность – инклюзивная культура, «одновременно и рефлексия необходимости, и реальное действие по преодолению неравенства, географических и экономических различий, дискриминации по полу, возрасту, здоровью, условие, неотъемлемая характеристика, принцип социальной политики и практики социального государства» [22, с. 132].

Кроме того, и зарубежные, и российские исследователи нового поколения отмечают целый ряд положительных характеристик «детей цифры», обусловленных их стремлением к безопасности. Это и **«цифровая гигиена»** [18], и **бережное отношение к эмоциональной безопасности своей личности** [8], и более «приземленные» вещи. К примеру, отмечается явное снижение пристрастия нового поколения к алкоголю – эту тенденцию у западных подростков отмечает Д. Твенге [27], а у нас – В. В. Радаев [17].

Также следует заявить об уникальной возможности «зетов», которая напрямую вытекает из условий «информационной открытости» во время их становления – это **возможность «непрерывного» образования**. Сейчас обучение начинается в самом раннем возрасте, причем зачастую идет по «индивидуальной траектории» – тренд «одно образование на всю жизнь» уже практически канул в Лету. Начиная со школьного образования, обогатившегося целым рядом дополнительных возможностей (научные центры, «Точки роста», «Кванториумы», дополнительные образовательные центры, программы поддержки талантливой молодежи), и заканчивая новыми форматами в образовании высшем (возможность во многих вузах самому выбирать программы майноров, учиться одновременно на нескольких направлениях подготовки и т. д.), у современных юношей и девушек есть огромные образовательные возможности. Понимание того, что основным критерием востребованности и социальной мобильности в современном обществе во многом выступают актуальные знания и владение необходимыми программными продуктами (которые постоянно обновляются и, соответственно, требуют навыков быстрого обучения), подталкивает молодежь к мысли о необходимости «непрерывного образования», которое поможет им сохранить конкурентоспособность на рынке труда.

Совокупность противоречий новых рисков и новых возможностей, в условиях которых растут представители Цифрового поколения, вкупе с нарастанием интенсивности изменений в мире в последние годы, дают основания сделать предположение о том, что «зетам» придется находиться в ситуации постоянного выбора и принятия решений, осложняемой ощущением нестабильности социума. Одновременно с этим «зеты» будут стремиться построить мирное толерантное общество, в котором отдельное внимание будет уделено построению адекватной коммуникации с мировым сообществом и формированию новых социальных объединений с целью поиска путей решения мультипроблем, которые щедро оставлены им в наследство предыдущими поколениями.

Информация об авторе

Елена Владимировна Шлегель, старший преподаватель факультета журналистики и медиакоммуникаций АНО ВО «Гуманитарный университет» (Екатеринбург, Россия).

Information about the author

Elena V. Shlegel, Lecturer at the Faculty of Journalism and Media Communications, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

Список источников

1. Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. С. А. Комарова. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
2. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. М. : Прайм-Еврознак, 2003. 632 с.
3. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 345–415.
4. ВЦИОМ: лишь 17 % российской молодежи в возрасте до 24 лет живет в зарегистрированном браке // Рамблер. 05.03.2020. URL: https://news.rambler.ru/sociology/43795047/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylinkhttps://news.rambler.ru/sociology/43795047-vtsiom-lish-17-rossiyskoy-molodezhi-v-vozraste-do-24-let-zhivet-v-zaregistrirovannom-brake/ (дата обращения: 06.03.2020).
5. Депрессия // Всемирная организация здравоохранения. 13.09.2021. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/depression> (дата обращения: 12.10.2021).
6. Ткачѳв И., Деготькова И. Естественная убыль населения в России за год превысила 1 млн человек // РБК. 28.01.2022. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/01/2022/61f3bbaa9a794767f04fdaa7> (дата обращения: 28.01.2022).
7. «Закредитованность россиян растет, молодежь набирает займы»: эксперты рассказали о том, что происходит на рынке МФО в 2022 году // ГлобалМСК : московский бизнес-портал. 24.02.2022. URL: <https://globalmsk.ru/firmnews/id/31538> (дата обращения: 25.02.2022).
8. Зотова О. Ю. Эмоциональная безопасность личности в контексте жизненного пути // Дискуссия. 2015. № 9 (61). С. 76–84.
9. Исследование: молодые россияне стали реже брать ипотеку // РИА Новости. 15.02.2021. URL: <https://realty.ria.ru/20210215/ipoteka-1597471580.html> (дата обращения: 15.03.2022).
10. Лебедь О. Л. Социальные последствия депопуляции в России // Демографические исследования : сборник / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Социол. фак., Каф. социологии семьи и демографии ; отв. ред. А. И. Антонов. М. : КДУ, 2009. С. 137–147.
11. Лоренц К. Обратная сторона зеркала / пер. с нем. ; под ред. А. В. Гладкого ; сост. А. В. Гладкого, А. И. Федорова ; послесл. А. И. Федорова. М. : Республика, 1998. 393 с.
12. Мясникова Л. А. Маргинал как основной тип современного человека и создатель новых ценностей // Человеческая жизнь: ценности повседневности в социокультурных программах и практиках : материалы X науч.-практ. конф. Гуманитарного университета (г. Екатеринбург), 5–6 апреля 2007 года : доклады / редкол.: Л. А. Закс и др. : в 2 т. Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2007. Т. 1. С. 86–91.
13. Мясникова Л. А., Шлегель Е. В. Онтологический статус цифровой реальности // Цифровая реальность: субъекты, практики : монография / Л. А. Мясникова, Е. В. Шлегель, А. В. Дроздова [и др.] ; под общ. ред. д-ра культурологии, доц. А. В. Дроздовой. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2021. 315 с.
14. Власова И. Не хотят жениться: что не так с россиянами. Росстат назвал средний возраст вступления россиян в брак // Газета.ru. 11.06.2019. URL: https://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2019/06/a_12408193.shtml (дата обращения: 25.07.2021).
15. Клейменова Л. От идеи до единорога – стартапы России и мира в 22 цифрах. // РБК. 09.07.2020. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5f04aeac9a79479c0727f494> (дата обращения :16.04.2022).
16. Замахина Т. Возраст молодежи повысили до 35 лет включительно. Госдума повысила возраст молодежи до 35 лет // Российская газета. 23.12.2020. № 291 (8345). URL: <https://rg.ru/2020/12/23/voznrast-molodezhi-povysili-do-35-let-vkliuchitelno.html> (дата обращения: 12.09.2021).
17. Радаев В. Миллениалы: как меняется российское общество. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с.

18. Руденкин Д. В. Уровень развития навыков цифровой гигиены современной российской молодежи: итоги социологического исследования // Социодинамика. 2022. № 1. С. 36–55. DOI 10.25136/2409-7144.2022.1.37487.
19. Чернышенко рассказал, что в России насчитывается около 2,7 млн добровольцев // Интерфакс. 05.12.2021. URL: <https://www.interfax.ru/digital/806667> (дата обращения: 12.02.2022).
20. Щюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль : тексты / под ред. В. И. Добренькова. М. : Изд-во Междунар. ун-та бизнеса и управления, 1996. С. 526–541.
21. Якубовский А. Э. Социальный тип – гипотеза и инструмент исследования социальной структуры // Социологические исследования. 2001. № 4. С. 131–133.
22. Ярская В. Н., Бабаян И. В. Инклюзивная молодежная политика нового поколения // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2014. Т. 4, № 1 (77). С. 267–272.
23. Права человека в мире : доклад 2017/18. Amnesty International², 2018. 316 с. URL: <https://www.amnesty.org/en/wp-content/uploads/2021/05/POL1067002018RUSSIAN.pdf> (дата обращения: 12.04.2022).
24. COVID-19 Mental Disorders Collaborators. Global prevalence and burden of depressive and anxiety disorders in 204 countries and territories in 2020 due to the COVID-19 pandemic // Lancet. 2021. Vol. 398, Issue 10312. P. 1700–1712. DOI 10.1016/S0140-6736(21)02143-7.
25. Strauss W., Howe N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York : William Morrow & Company, 1991. 538 p. URL: <https://archive.org/details/GenerationsTheHistoryOfAmericasFuture1584To2069ByWilliamStraussNeilHowe/page/n3> (access date: 10.01.2019).
26. Primack B. A., Shensa A., Sidani J. E., Whaite E. O., Liu Yi Lin, Rosen D., Colditz J. B., Radovic A., Miller E. Social Media Use and Perceived Social Isolation Among Young Adults in the US // American Journal of Preventive Medicine. 2017. Vol. 53 (1). P. 1–8. DOI 10.1016/j.amepre.2017.01.010.
27. Твенге Дж. М. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым – и абсолютно не готовым ко взрослой жизни, и что это значит для всех остальных / пер. с англ. А. Толмачева. М. : Рипол Классик, 2019. 406 с.

² Включена в реестр организаций-иноагентов.